

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

● С.А. Калабалин ● Г.К. Калабалина ● педагогика Макаренко ● детский коллектив ● воспитание ● детский дом

**К 110-летию со дня рождения
Семёна Афанасьевича
Калабалина**

Уроки Калабалиных

Дмитрий Павлович Барсков,

воспитанник Клемёновского детского дома 1962 — 1965 годов, член Союза краеведов России, член Союза писателей России, кандидат технических наук

Со времени кончины Семёна Афанасьевича Калабалина (21.08.1903 — 24.06.1972) прошло 40 лет, а в 1975 году Клемёновский детский дом был расформирован. После ухода из жизни Галины Константиновны (01.06.1909 — 14.01.1999) и окончательной утраты родового гнезда в Клемёнова прекратились слёты воспитанников детского дома (всего их было четыре — в 1973-м, 1983-м, 1988-м и 1993 годах). За этот период выросло два новых поколения жителей Клемёново и окрестных селений, и уже уходят из жизни люди, которые не понаслышке знали Калабалиных и соприкасались с жизнью детского дома. Молодёжь практически ничего не знает о том замечательном времени, когда однажды летним утром можно было увидеть Семёна Афанасьевича Калабалина с малышом на плечах, неспешно подметавшего метлой главную деревенскую улицу (сюжет для ваятеля или кисти художника). Эти годы безвозвратно канули в Лету... Спустя десятилетия С.А. Калабалин и его деяния на Егорьевской земле стали обрастать легендами, что является вполне закономерным для такой яркой личности, каким был «наш СЕМЁН».

Клемёновский детский дом в «эпоху Калабалиных» уподобился материке Арктида, опустившемуся более 10 тыс. лет назад в полярные океанские воды (у всех на слуху легендарная Атлантида, но автору по духу ближе удивительная северная прародина славян — неведомая Гиперборея — Арктида). Поэтому легенды про «жизнь детдомовскую» стали обрастать самыми невероятными, а порой и нелепыми, домыслами. И автор поставил целью на основе воспоминаний (некоторые сцены детдомовской

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

жизни до сих пор не утратили своей свежести) показать настоящую жизнь Клемёновского детского дома и отдать дань глубочайшего уважения педагогам Калабалиным, которые вложили в каждого детдомовца частицу своей души и сделали нас людьми!

Книга «Колокола памяти. Записки детдомовца», на создание которой у автора ушло два с половиной года, включает в себя 50 различных по тематике и содержанию глав. Каждая глава является самостоятельным повествованием и не связана единым сюжетом с предшествующей или последующей. Сохраняется лишь общая хронологическая последовательность, но с некоторыми отступлениями «во времени и в пространстве» от основного периода (1962 – 1965) пребывания автора в детском доме. Такой принцип изложения предоставил возможность в процессе повествования возвращаться как в прошлое, так и переноситься в будущее, избегая, таким образом, «информационного голода» и удовлетворяя тем самым читательский интерес. Книга широко проиллюстрирована, в ней представлены копии архивных документов и более пятисот фотографий. На страницах книги публикуются сведения, которые будут представлять интерес для педагогов, учителей, студентов, школьников и краеведов. Именно к молодому поколению обращена эта книга, которая никоим образом не претендует на исследование педагогического наследия Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных, а является развёрнутым рассказом о тех, кого помню и люблю. Со временем обязательно будут появляться новые факты из необыкновенно прожитой жизни педагогов Калабалиных, которые оказали на своих питомцев решающее воспитательное воздействие. А личность Семёна Афанасьевича Калабалина является настолько многогранной, что самое подробное и обстоятельное жизнеописание этого Человека никогда не будет считаться окончательным. Отдельные фрагменты из глав книги, в которой приведены не легенды и домыслы, а реальные события, автор и предлагает вниманию читателей.

Последователи Макаренко

Семён Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины были профессиональные педагоги, более сорока пяти лет проработавшие в различных детских учреждениях страны (трудовые воспитательные колонии, детские дома) в условиях, близких к тем, в которых родилась макаренковская теория о воспитании подрастающего поколения. Под их руководством жизнь детского коллектива строилась на принципах, которые сформулировал **Антон Семёнович Макаренко** (13.03.1888 — 01.04.1939) и впервые в педагогике воплотил в колонии имени Горького в 1920 – 1928 годах. Об этом он ярко и образно рассказал в своей знаменитой книге «Педагогическая поэма». С.А. и Г.К. Калабалины представлены на страницах этой книги её главными героями. Литературные персонажи — Семён Карабанов и Галя Подгорная (Черниговка) стали известны читателям ещё в первой половине 1930 годов, сразу после выхода «Педагогической поэмы» в свет.

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

В период с 1921-го по 1923 год Семён Калабалин являлся воспитанником трудовой колонии Горького, а с февраля 1929-го по март 1931 года уже молодые педагоги — супруги Калабалины вместе работали под началом Антона Семёновича Макаренко в коммуне Дзержинского (вспомним другую известную книгу А.С. Макаренко «Флаги на башнях»). Антон Семёнович был их идейным наставником. Семён Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины стали наиболее последовательными педагогами-практиками по пропаганде творческого педагогического наследия А.С. Макаренко и претворению его в жизнь детских коллективов детских домов, трудовых колоний, общеобразовательных школ и школ-интернатов. Каждое из детских учреждений, которым руководили Калабалины, начинало жить по принципам, разработанным А.С. Макаренко.

В своей практической деятельности педагоги Калабалины постоянно руководствовались наказом своего духовного отца А.С. Макаренко, который главной целью ставил воспитание человеческой личности: «Воспитание детей — важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями, но и это не всё: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слёзы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной».

Педагогические идеи А.С. Макаренко, воплощённые в колонии Горького и коммуне Дзержинского, всегда были для Калабалиных моделью воспитания, образцом для подражания. А.С. Макаренко оценивал работу Семёна, своего ученика, а затем и соратника, так: «Если про себя я говорил, что мастер, а не талант, то Карабанов, в первую очередь талант... Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжёлые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылаем ему самых трудных, а он делает с ними буквально чудеса...».

В повседневном общении со своими воспитанниками Калабалины действовали так, как учил Макаренко, ежедневно и ежечасно реализовывали его принципы уважения к детям, воспитания в коллективном труде, организации самоуправления детского коллектива и обеспечения в таком коллективе перспектив полноценного развития личности каждого ребёнка. Воспитанники Калабалиных постоянно чувствовали себя и воспитанниками Макаренко, поскольку Семён Афанасьевич и Галина Константиновна всегда рассказывали об Антоне Семёновиче, о годах работы с ним, о традициях и нормах жизни «по Макаренко». В этом заключался нравственный и духовный потенциал огромной воспитательной силы.

Галина Константиновна и Семён Афанасьевич Калабалины принадлежат к славной когорте «агитаторов за Макаренко». Они много выступали перед различными аудиториями. Их благодарными слушателями были студенты и учащиеся, учителя и родители, педагоги и учёные как в нашей

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

стране, так и за рубежом. Артистизм Семёна Афанасьевича и глубина изложения темы Галиной Константиновной завораживали аудиторию, при этом слушателей поражал импровизационный характер их выступлений, вызывала уважение преданность Макаренко.

Самый длительный период жизни и педагогической деятельности Калабалиных прошёл в Подмосковье, в Клемёновском детском доме. Семён Афанасьевич и Галина Константиновна опирались в своей работе во многом на самих ребят — своих воспитанников. Сразу после приезда Калабалиных в детском доме были введены сводные отряды, дежурные командиры, вечерние рапорты, Совет командиров — всё по Макаренко.

Деятельность Семёна Афанасьевича Калабалина на посту директора Клемёновского детского дома можно условно разделить на два периода:

- *первый* (1956 — 1961), когда его стараниями создавался коллектив и решались многие вопросы организации полноценной жизнедеятельности детского дома — забота об увеличении рациона питания, одежде, культуре поведения, учёбе, в том числе получение старшими воспитанниками среднего образования. В этот непростой период была успешно решена основная задача, которая заключалась в том, чтобы ребятам стало уютно в детском доме, и они почувствовали — это их общий Дом. Эта задача решалась с помощью максимального использования всех имеющихся (весьма скромных) материальных, трудовых и образовательных ресурсов детдома. Важнейшую роль сыграли студенты Сводного пионерского отряда (эстафету у него принял Сводный комсомольский отряд московских школьников), которые на протяжении многих лет участвовали в воспитательном процессе в качестве добровольных и бескорыстных волонтеров — они внесли достойный вклад в становление ребячьих душ;

- *второй* (1962 — 1972), когда уже закрепились макаренковские традиции детского самоуправления и внутри коллектива детдомовцев был уверенный, полный оптимизма, взгляд в будущее своих выпускников, в состоявшихся судьбах которых воплотился труд замечательного и самобытного педагога С.А. Калабалина.

Детдомовская жизнь по Макаренко

Имеются документальные свидетельства о начальном периоде работы Калабалиных в Клемёнове. Вот выдержка из письма Семёна Афанасьевича к Галине Константиновне:

29.XI — 1956 г. Клемёново...

А вообще живут же люди, будем жить и мы! Детали: потолки падают, полы проваливаются, вонюще... Бухгалтер лежит в больнице, ни учёта, ни прихода. Есть вши, грязь, пустота. Нет человеческого тепла. Стульев нет. Всё разбито... Райком партии великодушно допустил: «...на месяц-чашко, а там мы посмотрим, как и что, а вообще, конечно, устраивайтесь». Сидим сегодня весь день без дела. Мы в детский дом, а директор

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

из детского дома. Куда ни кинусь — ничего нет. И так, жду вас, мои родненькие!...

Галина Константиновна в своих воспоминаниях пишет: «После зелёной, утопающей в садах Мотовиловки, Клемёново нам показалось серым, мрачным. Да к тому же, несмотря на то, что стоял декабрь месяц, снега не было, была непролазная грязь. Детский дом был расположен в старом купеческом доме. Первое впечатление было тяжеловатое. Всё как-то серо и грязно. Комнату нам дали лучшую в рабочем корпусе детского дома. Здесь же располагались учебные комнаты воспитанников, зал, изолятор, библиотека, кабинет Семёна, внизу в полуподвале — столовая. Конечно, никаких удобств не было, кроме парового отопления. Котельная размещалась в подвале дома. После мотовиловской квартиры эта квартира, а вернее сказать комната, нас огорчила, но мы были рады, что при любимом деле. Особенно рада я была за Семёна, который в последнее время как-то совсем упал духом. Детский дом находился в тяжёлом состоянии. Большая группа воспитанников находилась в бегах, совершенно отсутствовали признаки организованного коллектива. Старшие ребята избивали младших. Несколько воспитателей подали заявления об уходе с работы. Семён долго не мог принять детский дом, т.к. сначала никак не могли обнаружить директора, затем бухгалтера. К нашему приезду Семён уже принял д/дом и приступил к работе. Провёл общее собрание с детьми, поставил перед ними задачи на ближайшее время, чтобы улучшить жизнь. Уже было создано детское самоуправление — Совет командиров, созданы комиссии — санитарная, культурно-массовая, производственная, введены дежурства по детскому дому отрядов во главе с командиром и воспитателем. С воспитателями провёл педсовет, на котором рассказал о новой форме работы с детским коллективом, основанном на доверии и уважении к личности воспитанника. Надо сказать, что воспитатели с радостью приняли всё новое и дружно включились в работу, они и сами устали от отсутствия руководства, да и детям надоела неорганизованность».

Евгений Агуреев (воспитанник детского дома 1952 — 1961 годов, инженер):

— Клемёновский детдом «докалабалинской» поры мало чем отличался от прежних, в которых довелось мне побывать. Всё те же — запустение, голодуха, страх. Днём мы слонялись, дрались, делали вид, что учимся, а ночью сигналы из окон (мне доводилось с третьего этажа) — воровали и разбойничали. То и дело кого-то из нас забирали в детскую колонию. Учителей и воспитателей не слушали, а директора ненавидели и боялись — он был злобен и жесток. Но главное, повсюду ходил с чёрной тетрадкой. Мы не наказания страшились — нахлебались всякого за свои короткие жизни. А того, что проштрафившихся директор лишал на каникулы поездки к родственникам. Те немногие, что их имели, не знали горя страшнее. Когда в декабре 1956 года появился в нашем доме улыбчивый и крепкий, заметно прихрамывающий человек — это был Семён Афанасьевич Калабалин, мы и вообразить не могли, как сказочно изменится наша жизнь. Раскрыты, слушали невероятные его истории, ломались от хохота, от бесконечных шуток и розыгрышей, проигрывали ему в шахматы и шашки, да гля-

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

дели его глазами на своё жалкое, разворованное хозяйство. И когда к концу второго дня после вступления в должность (до этого он почти десять дней изучал обстановку) Семён Афанасьевич собрал всех и, обнимая за плечи стоявших рядом ребят, негромко сказал:

— Ну что, пацаны, давайте решать — будем мы с вами существовать, или будем жить!

— Жить!! — хором выдохнули пацаны...

Из записей С.А. Калабалына за 1956—1958 годы

Клемёновский детский дом школьного типа, с большим количеством переростков, поражённых многочисленными пороками и непонятной грубостью с работниками детского дома. Успеваемость составляет 60—70%. Детские общественные организации фактически отсутствуют. Коллектив работников, и, прежде всего воспитатели, находятся в состоянии растерянности и потерянного интереса к делу, не знают с чего начать, чтобы вывести детей из их неприятного состояния. Хулиганство и грубость ребят парализовали работу воспитателей. На общем собрании сказал твёрдо и прямо: жить такой оскорбительной для вашего человеческого достоинства жизнью дальше нельзя и так жить мы не будем. Я буду решительно беспощаден в борьбе за новую счастливую жизнь и верю, что рядом со мною встанут смелые ребята, способные с улыбкой на лице пережить некоторые лишения и трудности в предстоящей борьбе. Уже с этого собрания мы разойдёмся организованными отрядами, а все командиры отрядов в своём составе и будут являть собою исполнительный орган — Совет командиров. Пусть же наш Совет поведёт борьбу за то, чтобы мы построили центральное отопление в корпусе, сделали пристройку для новых спален, провели водопровод, добились бы выделения детскому дому земельного участка для подсобного хозяйства, чтобы для наших будущих походов по стране приобрели автобус, чтобы заняли первые места в областных спартакиадах воспитанников детских домов по лёгкой атлетике и по шахматам, построили стадион и заложили сад. Задачи большие, трудные и, конечно, придётся попотеть — попотеть можно, а пиццать нельзя. Пошла повседневная работа по двум взаимосвязанным каналам-признакам: «коллективное самовоспитание» по организационным формам и передача духовных, этических импульсов воспитанникам. Основной принцип нашей жизни — один за всех, все за одного. Мы хотим, чтобы человек учился отвечать не только за свои поступки, но и за поступки своих товарищей. И это прерогатива самого коллектива. Однако отношения в нашем коллективе должны строиться на полном доверии и уважении друг к другу. Настоящее доверие должно быть во всём. Именно на таком целом доверии будет построена жизнь в Клемёновском детском доме. Так было и во всех других детских учреждениях, куда посылали меня работать. Мне помогают старшие воспитанники, а они опираются на подрастающий актив в отрядах. Помня заветы А.С. Макаренко, что «колони́стская коммуна представляет собой прочно сбитое по-товарищески и дисциплинированное рабочее сообщество, непрерывно повышающее свой культур-

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

ный уровень, в то же самое время всегда весёлое, с бойким настроем» приступил к строительству новой жизни на новом месте.

Встреча с «Педагогической поэмой»

Меньше чем за год детский дом изменил свой облик. Анализируя первые итоги работы педагогического коллектива, было отмечено, что благодаря добросовестному, почти самоотверженному напряжению физических и духовных сил воспитателей, наладившейся живой и полезной связи со школой, созданию работоспособного института детского самоуправления, в конце концов, удалось учебный год закончить с благополучными результатами. Из 106 учащихся перешли в следующие классы 100 человек. *Детский коллектив к концу учебного года представлял собой здоровую согласную семью.*

Семён Афанасьевич и Галина Константиновна подчёркивали, что в первую очередь им нужно согреть детей теплом неофициального человеческого общения. Их воспитанники должны были знать, что на свете много хороших, добрых и бескорыстных людей. Семён Афанасьевич умело управлял их контактами, извлекая из взаимодействия детского дома с шефами, студентами, друзьями максимум педагогической пользы. Отдельные нижеприведённые фрагменты дневниковых записей С.А. Калабалина тех лет свидетельствуют о его многогранной и многотрудной деятельности.

25/IV — 59 г.

Сегодня в истории детского дома день самый или один из самых примечательных: прибыли комсомольцы из Москвы, Бауманского района и разных организаций и предприятий. Они привезли (осуществляя мероприятия Совета действующих друзей) телевизор, мотороллер (подарок комсомольского коллектива ЦК партии), спортивную форму, мячи, игрушки, книги и проч. Хорошие ребята, хорошие дела. Навстречу выезжающим бауманцам во двор въехал автобус из МАИ. Они привезли станок, а забрали у нас на ремонт два телевизора. Сделали совместное заседание Совета командиров и Совета дружины в присутствии гостей. Прошло тепло, сердечно, аж до слёз. Вечером опробовали телевизор и радиолу. Всё, как в сказке.

9/IX — 59 г.

Прибыла в детдом комиссия. Ожидали комиссию по общественному смотру, а оказалась комиссия по проверке фактов, изложенных в «досье» студентов в ЦК ВЛКСМ. Три дня работали, говорили с людьми взрослыми и малыми, в школе, с населением и пришли к выводу, что жалоба студентов — бред. Акт написали положительный.

14/IX — 59 г.

Приехали трое инспекторов из Министерства просвещения с целью «изучения» учебно-воспитательной работы, системы организации детского коллектива. Неужели развалит детдом, а он с таким трудом восстанавливался. Устал!

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

15/1 — 60 г.

Ни отдых, ни покой мне не нужны. Жить хочу, двигаться хочу и видеть хочу разумное, выстраданное человеческое лицо — самого человека. А горюго же он достаётся, этот самый человек! Но в нём и отдых мой, и утешение моё (выделено мной. — Д.Б.).

Евгений Агуреев (воспитанник детского дома 1952 — 1961 годов, инженер):

— Читая дневниковые записи Семёна Афанасьевича тех незабываемых лет, невольно обращаешь внимание на ёмкие слова, призывающие к действию. Для примера перечислю некоторые из них: *присутствовать, посетить, протопить, проветрить, проверить, перепахать, помочь, приготовить, провести, подтянуть, послать, посадить, попросить, побывать, пойти, поговорить, потолковать, принять, получить, собрать, разобрать, обкопать, обратиться, вытравить, начать, создать и т.д.*

Мне думается, что эти слова и характеризуют мощный, неуёмный, ищущий характер С.А. Калабалына, его работоспособность, переживания, любовь и страсть. Для него никогда не было мелочей — всё главное, всё важное. И это главное и важное он стремился передать нам, сначала детям, а потом и повзрослевшим. Его влияние на нас ощущается до сих пор. Просматривая по просьбе автора книги раздел «Дневниковые откровения» нетрудно установить, что эти скупые, короткие строки Семёна Афанасьевича до конца понятны только ему или ближайшему окружению. После прочтения дневниковых записей «нашего СЕМЁНА» со стороны может показаться, что работа занимала у него 4 — 5 часов, но если опросить всех, кого он воспитывал, с кем работал, дружил, общался, то 99,9% скажут, что его рабочий день длился не менее 20 часов.

Что же касается *откровений*, то они тоже понятны только тем, с кем он жил, трудился, пересекался. Ведь все эти очень краткие, сугубо личные, заметки о том, чтобы в нашем доме было тепло, уютно, радостно и сытно, как будто *мы жили в большой, настоящей, кровной семье*. Но такую семью необходимо было ещё создать, и он её создавал вместе со своими соратниками, работая на износ. И главная его задача была — никого не забыть, к каждому персонально подобрать свой ключик, убедить, что ты важная деталь в большой дружной семье и не можешь сломаться, дабы не нарушить ритмичную работу всего механизма.

На мой взгляд, говоря философскими категориями, метод воспитания Калабалына заключался в искусстве работать с личностью переходом от частного (индивидуального) к общему (коллективному). Тем самым, Семён Афанасьевич создавал слаженный, дружный коллектив, а точнее и проще, обустроивал семью, и у него это здорово получалось. По поводу индивидуальности приведу пару примеров: спорт в воспитании и развитии детского организма играет немаловажную роль, поэтому на Совете командиров было принято решение старый сад вырубить и на этом месте построить спортивный городок. Сказано — сделано. И вот у нас уже своё футбольное поле, баскетбольная и волейбольная площадки, бревно и гигантские шаги, ну и конечно, качели — высокие, добротные. Жизнь

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

оживилась. Не надо было слоняться из угла в угол. Каждый находил себе занятие по вкусу и, более того, наш городок стал центром спортивной жизни деревенских ребят, что содействовало сближению с местным населением. Но однажды случилась беда. С наших прекрасных качелей упала Таня Козюлина (студентка педагогического института). Вечером, на Совете командиров, состоялось жаркое обсуждение. В результате было принято решение: на качелях соорудить ремни безопасности; пользоваться качелями без ремней безопасности запрещено.

Однажды я и Галя Огородова этот запрет нарушили. Игнорируя ремни, раскачались до верхней точки, ощущая чувство полёта, восторга и прилив сил. Радужное настроение исчезло также быстро, как и появилось. С высоты птичьего полёта вижу Семёна Афанасьевича, наблюдающего за нашим безобразием. Геройство куда-то исчезло. Потихонечку стали притормаживать, а он тихим спокойным голосом говорит: «Заканчивайте не торопясь». Спрыгнув с качелей, мы подошли к нему, настроившись на долгий нудный разговор. Семён Афанасьевич взял Галю за плечи и уточнил, видит ли она домики «М» и «Ж»? Получив утвердительный ответ, добавил: «Чтобы были чистыми». Обращаясь ко мне, сказал: «А ты завтра с утра в кабинет под арест». На этом и разошлись, но на душе кошки скребли.

Утром, после завтрака, отправился исполнять наказание. Первые полтора часа прошли в глубоких раздумьях и поэтому дискомфорта я не ощущал. А потом в кабинет стали заходить ребята обсудить насущные вопросы, посоветоваться, побалагурить, а Саша Прокофичев — получить очередной шах и мат. Вот тут-то стало невыносимо. Вокруг кипит жизнь, а тебе ни поговорить, ни поиграть — сиди и сопи. От такого состояния на стенку полезешь, волком завоешь. И я завыл, умоляя Семёна Афанасьевича разрешить мне заняться ремонтом радиолы «Ригонда». Он дал добро, и мир перевернулся. Появилось хорошее настроение. Занимался приёмником часа два с половиной — три, но не напрасно, техника заработала. Увидев положительный результат моего труда, Семён Афанасьевич сказал: «Дуррак! А делаешь иногда хорошие вещи». После этого выгнал меня из кабинета. Я был счастлив. Арест закончился. Вот таким нестандартным решением Семён Афанасьевич промыл мне мозги.

И второй случай. Сдали экзамены за седьмой класс. Нам устроили прекрасный выпускной вечер — стол, музыка, танцы до 12 ночи. Попрошавшись, пошли в спальный корпус, но до дома не дошли, решили погулять ещё (ведь мы уже — взрослые!) и встретить рассвет. В спальню пришли в 5 утра. Утро было солнечное и не предвещало беды. Но не тут-то было. Нелли Павловна Самохоткина (студентка педагогического института) сдала нас Семёну Афанасьевичу, после чего и грянул гром. Мне было велено забрать документы, когда он освободится, и без права на какую-либо работу. Ребята ворошили, копнили сено, а я издали созерцал происходящее и переживал. Мой настрой был закончить десятилетку, а теперь все планы рушились. Так прошёл день, затем бессонная ночь. На следующее утро он молчит и я ни слова. В полдень включился в работу. Отказа не получил. Мелькнула мысль — он меня испытывает, но был счастлив. Больше мы

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

к этому вопросу не возвращались. 1 сентября 1959 года я пошёл в 10-й класс. Среднее образование получил и, значит, мечты мои были исполнены. Вот она — индивидуальность. Мне кажется, что каждый из моих многочисленных детдомовских братьев и сестёр вспомнит свою изюминку, применённую к нему Семёном Афанасьевичем, которая заставила пересмотреть и осмыслить своё положение на нашей земле и в обществе.

И ещё один момент. Свои идеи и мысли Семён Афанасьевич озвучивал от нашего имени, вроде бы это придумали мы. И самое главное — мы в это беззаветно верили. И не секрет, что проводится в жизнь более добросовестно и аккуратно именно *своя задумка*. Возвращаясь к его немногословным записям, хочется вспомнить его ненавязчивое приучение нас к труду личным примером и на примере наших братьев и сестёр, подключая к этому процессу предприятия, общественность, студенчество. Он постоянно подталкивал нас к стремлению быть лучше и краше, строить свою жизнь самому, не дожидаясь доброго дяди.

Станислав Чибесков (воспитанник детского дома 1953 — 1964 годов, инженер):

— Совсем не помню, как у нас появился новый директор Семён Афанасьевич Калабалин и его жена, воспитательница Галина Константиновна. Однако хорошо запомнил, как СЕМЁН сказал нам, что так жить мы больше не будем. Ребята до СЕМЁНА воровали, дрались, убегали из детдома. Я тоже однажды убежал. Каким-то образом добрался до Раменского. Наверное, искал свой дошкольный детский дом, где нам было хорошо. Бродил по большим мостам над рельсами. Как меня вернули обратно, не помню. Потом был серьёзный разговор с СЕМЁНОМ. Он смог так повернуть разговор, что я себя почувствовал каким-то гордым, договорившись с ним о моей дальнейшей жизни. Так *Семён Афанасьевич стал не только нашим, но и моим директором детдома, а Галина Константиновна — воспитателем и матерью*. Очень хорошей матерью. Она была образованная, обладала большими знаниями во многих областях. Галина Константиновна всегда могла помочь при подготовке домашних школьных заданий по математике, физике, химии, не говоря уже о литературе, истории, музыке. Вот такой уровень знаний был у нашей воспитательницы. Я до сих пор не могу понять, как она весь этот багаж всю жизнь несла с собой и ничего не потеряла до преклонных годов. Семён Афанасьевич организовал в детском доме самоуправление по принципу А.С. Макаренко. Все жизненно важные вопросы решались на Совете командиров и на общих собраниях. Все отряды между собой соревновались. Призами для лучших были поездки по стране, театры, экскурсии, новогодние ёлки в Кремле, Колонном зале Дома Союзов...

Сергей Николаенков (воспитанник детского дома 1956 — 1962 годов, инженер):

— Со времени приезда Калабалиных началась новая жизнь в Клемёновском детском доме — яркая, содержательная, интересная и увлекатель-

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

ная, т.е. настоящая жизнь, которую я не мог себе представить, но которая оказалась именно таковой благодаря педагогическому таланту *нашего СЕМЁНА*. Но сказать, что моя жизнь в Клемёновском детском доме протекала гладко, не могу. Вспоминается один характерный случай из педагогической практики Семёна Афанасьевича Калабалина. Для всех воспитанников он был непререкаемым авторитетом, а его слово для нас являлось законом. Однажды, летом 1958 года, когда я перешёл в седьмой класс, мы подрались с одноклассником Юрой Павловым в коридоре нашей столовой. Медсестра Лидия Васильевна Лоскутова попыталась нас разнять, но я огрызнулся в очень грубой форме и продолжил драку. Л.В. сообщила о случившемся Семёну Афанасьевичу, и он вызвал меня в кабинет на втором этаже. СЕМЁН сказал мне:

— *Поскольку ты никого не уважаешь и тебе никто не нужен, то и ты никому здесь такой не нужен! Поэтому уходи из детского дома на все четыре стороны!*

На дорогу он мне тут же вручил буханку (!) чёрного хлеба. Со слезами на глазах и злополучной буханкой подмышкой я вышел из кабинета СЕМЁНА, но уходить из детского дома не было никаких сил. Я не смог представить себе жизнь вне детдомовских стен, без коллектива, вдали от своих друзей и товарищей. Я очень уважал наших воспитателей — Галину Константиновну Калабалину и Александру Павловну Сычёву, повариху тётю Варю и шофёра Анатолия Афанасьевича Лоскутова (он мне симпатизировал, и я к нему очень привязался). Конечно, куда я не ушёл, а решил не попадаться СЕМЁНУ на глаза и стал прятаться. На меня обрушился страх, что я его ослушался и вдруг он меня увидит. Днями я прятался в котельной и разговаривал с нашим деревенским истопником дядей Васей. Он меня принимал, утешал и говорил:

— *Не переживай. Всё обойётся.*

Он помог мне поверить в это, и на душе становилось легче. До сих пор благодарен ему за это. В столовую приходил уже после всех, чтобы не встретиться с СЕМЁНОМ. Так прошла неделя, в конце которой он всё-таки увидел меня за столом, но сделал вид, что не заметил. И я понял, что прятаться больше не нужно и СЕМЁН меня простил. Неделю, проведённую с истопником в кочегарке, я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Я чётко усвоил, что жить надо по законам коллектива, т.е. относиться с уважением к окружающим. Конечно, это была школа воспитания Калабалина. Семён Афанасьевич работал в педагогике по-макаренковски, т.е. как говорил, так и жил; как жил, так и говорил. В этом была его сила, а сила, как известно, в правде.

Ничего лучше школы воспитания А.С. Макаренко нашей педагогикой в настоящее время не предложено. Особенно это касается нравственных основ современного воспитания подрастающего поколения. Доминирует идея свободы личности, которой дозволено всё, что не запрещено. А где при этом ответственность, самоконтроль, уважение к окружающим людям, самоограничение, соблюдение норм и законов, по которым живёт

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

общество?! Соблазнов и удовольствий в окружающей действительности много, но сделать молодому человеку правильный выбор можно, лишь пройдя основы педагогической школы воспитания А.С. Макаренко — С.А. Калабалына. Эту школу необходимо внедрить повсеместно — тогда наше общество будет совершенствоваться и процветать благодаря воспитанию молодого поколения в здоровом коллективе и в труде.

Людмила Бахмацкая (воспитанница детского дома 1957 — 1962 годов, педагог):

— Семён Афанасьевич был замечательный педагог и наблюдательный психолог — знаток ребячьих душ. Умел заморозить, убедить, зарядить искренней верой и повести за собой детский коллектив (воспитателей тоже). Он по мельчайшим деталям нашего поведения, отношению к учёбе, труду, к подругам буквально фокусировал и высвечивал основные черты наших характеров. Он знал как сильные, так и слабые стороны каждого из нас. С приходом Семёна Афанасьевича в нашем детском доме многое изменилось — вопросы организованности, порядка и дисциплины вышли на первое место.

Как-то раз у меня возник конфликт с воспитательницей Клавдией Павловной Голубевой. Дело в том, что раньше на ужин мы спускались по лестничному маршу в столовую свободно, а тут Клавдия Павловна ввела новый порядок — теперь мы должны были ходить парами, чему я решительно воспротивилась. Вызвал меня к себе в кабинет Семён Афанасьевич и сказал:

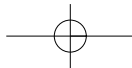
— *Не хочешь жить по нашим законам, пусть приезжает отец и забирает тебя домой! С этого дня можешь не ходить в школу — дождись его приезда.*

Я сидела в кабинете Семёна Афанасьевича на «позорном стуле», но решительно говорила:

— *Никуда не уйду!*

Так мой отец и уехал один. Однажды, перед зимними каникулами, на Совете командиров рассматривали вопрос о том, кого можно отпустить к родственникам. Каждую кандидатуру обсуждали и ставили на голосование — Семён Афанасьевич голосовал наравне со всеми. Во время очередного обсуждения он стал возражать против Нины Киселёвой, утверждая, что она не вернётся в положенный срок. Я, будучи председателем Совета командиров, с жаром отстаивала свою лучшую подругу. При голосовании Семён Афанасьевич (директор!!) остался в меньшинстве, и счастливая Нина уехала на каникулы. Каково же было всеобщее изумление, когда она не вернулась вовремя. Я до сих пор просто поражаюсь, по каким едва уловимым признакам личности Нины Киселёвой он сумел предвидеть именно такой исход дела...

Весьма показательным представляется случай, который произошёл во время нашей экскурсионной поездки по Прибалтике в августе 1963 года. Я тем летом, после первого курса, работала в родном детском доме уже воспитателем и была включена в состав группы помощницей Семёна Афанасьевича. В эту

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

поездку он взял своего внука — Сашу Филинского. Во время одной из остановок в придорожном кафе после обеда Саша увлёкся мороженым, и мы с ним опоздали к назначенному времени сбора. Но автобус не стал ждать, а по команде Семёна Афанасьевича уехал дальше по маршруту, оставив нас в полной растерянности. Дисциплина есть дисциплина — в коллективе одна для всех, включая и родного внука. Нашу группу мы догнали с большими дорожными перипетиями и личными переживаниями. Это явилось уроком не только мне с Сашей, но и всем ребятам — участникам той незабываемой поездки.

Семён Афанасьевич и Галина Константиновна воспитывали не назиданиями и нравоучениями. Они жили рядом с нами в одном корпусе, по их поступкам мы определяли свою линию поведения и делали это без какого-либо принуждения — всё получалось естественным образом. Самое сильное наказание со стороны Семёна Афанасьевича — это полное отсутствие общения с ним, молчание, когда он переставал разговаривать и просто тебя не замечал. Галина Константиновна уравнивала его суровость по отношению к провинившимся. У Галины Константиновны всегда были белоснежные воротнички к платьям, непременный маникюр на красивых руках, которыми она с особым изыском и любовью брала со стола хлеб во время чаепития (чай она пила только несладкий).

Когда Галина Константиновна вместе с Семёном Афанасьевичем отлучались на какое-то время из Клемёнова, то оставляли мне ключи от своей комнаты. Галина Константиновна очень многое давала нам в отношении эстетического воспитания (музыка, театры, картинные галереи). По сравнению с деревенскими сверстниками мы были на голову выше в духовном развитии.

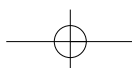
Николай Кузнецов (воспитанник детского дома 1963 — 1966 годов, шофёр):

— Когда эти строки дойдут до читателя, исполнится полвека с того счастливого часа, когда Семён Афанасьевич Калабалин вызволил меня из тюремного изолятора Матросской Тишины. Не сразу мне стало известно о моём избавителе (на том самом показательном общественном суде ни самого Семёна Афанасьевича, ни его проникновенного выступления я не запомнил), как повторил он педагогический рискованный шаг, аналогично тому, который в 1921 году сделал Антон Семёнович Макаренко, вытащив его самого из Полтавской губернской тюрьмы.

Конечно, у меня была не столь драматическая ситуация, но и четыре года, объявленные прокурором «как самому молодому и самому дерзкому» (так вещала телевизионная рубрика «Из зала суда»), могли бы основательно поломать мою судьбу. Слава Богу, низкий поклон и светлая память СЕМЁНУ за то, что я оказался в итоге не в колонии для малолетних преступников, а в Клемёновском детском доме — в нормальной ребячьей среде, в здоровом коллективе. Хорошо помню, как Семён Афанасьевич, обращаясь ко мне и сурово глядя прямо в глаза, спрашивал:

— *Вам, что, сучьи дети, жрать было нечего?! Что вас толкнуло на преступление!?*

Большинство ребят из нашего послевоенного поколения имели сложные

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

судьбы, нелёгкие характеры. Меня, как и многих моих друзей-детдомовцев, никогда «не кормили с ложечки», всего в жизни мы добивались сами — своим трудом и талантом, каким наградила каждого из нас природа. Но есть в этом и огромная заслуга Семёна Афанасьевича. Да! Он был чрезвычайно строг по отношению к своим воспитанникам, но при этом оставался чертовски справедлив! За спиной Семёна Афанасьевича недоброжелателями распространялось множество самых невероятных выдумок и небылиц. Например, за его хромоту (результат ранения на войне) деревенские недоброжелатели частенько ядовито злословили, дескать, посмотрите, ваш директор идёт пьяный...

Однажды по этому случаю СЕМЁН сказал нам:

— *Радуйтесь, ребята, когда говорят за вашей спиной. Это значит, что вы идёте впереди них!*

Описывая столь подробно весьма драматичный (к счастью короткий) период жизни, предшествовавший моему пребыванию в детдоме, исхожу из соображения, что кому-то из молодого поколения будет полезно знать об этом. Нынешние пацаны и подростки, особенно проживающие в больших городах, далеко отошли от естественности в своих поступках, образе жизни. Зачастую происходит так, что действия отдельных молодых людей, как это ни парадоксально звучит, укорачивают их век (курение, пьянство, наркомания). Считаю, что человек в самом начале своего жизненного пути должен помогать себе сам. Сейчас я могу поклясться, что именно тогда, когда я всеми корнями врос в коллектив детского дома и стал ближе к Семёну Афанасьевичу, научился думать и заботиться о других больше, чем о себе самом, только тогда и кончилась моя малолетка. В этом заслуга СЕМЁНА и ГАЛИНЫ, коллектива воспитателей, студентов из сводного отряда (особая благодарность Лёве Медведеву и Вале Лазаревой), которые дали мне «путёвку в большую жизнь». Конечно, рассказ о пребывании в Матросской Тишине получился совсем невесёлый. Увы! Как бы сейчас ни хотелось мне что-то в нём приукрасить или изменить, сделать этого не могу. Только ещё раз подчеркну — действительная картина была гораздо мрачнее и безотраднее изображённой в моём рассказе.

Из какой же зловонной ямы вытащил меня СЕМЁН! Не будет преувеличением сказать, что для подавляющего большинства детдомовцев встреча с Семёном Афанасьевичем Калабалиным явилась судьбоносной. Например, Коля Мищенко, мой одноклассник и друг (а поначалу — детдомовский *подельщик*) тоже стал достойным человеком. После выхода из детдома в 1965 году служил на атомной подводной лодке, затем долгое время работал егерем в местном лесхозе Рузского района Московской области и был на хорошем счету у руководства, освоил совершенно новую для себя специальность каменщика и стал классным печником...

Хочется сказать и ещё об одной весьма существенной стороне нашей жизни в Клемёновском детском доме — СЕМЁНА откровенно побаивались и старательно избегали с ним встречи именно те, которые нарушали «законы детдомовского общежития». Семён Афанасьевич, являвшийся тон-

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

ким знатоком ребячьих душ, безошибочно угадывал таких нарушителей, что зачастую вызывало неподдельное изумление у наших «выдавших виды» воспитателей.

Владимир Гражданкин (воспитанник детского дома 1969 – 1972 годов, слесарь):

— На лето воспитанников Ступинского детского дома, в котором я тогда находился, как всегда отправляли в пионерский лагерь. Это был лагерь для хороших детей — детей *элиты* Зеленограда и Солнечногорска. Они одевались в заграничные *шмотки*, по отношению к нам, детдомовцам, вели себя высокомерно, дразнили по-всякому. Однажды эти пацаны *гостали* нас. Тогда я, Юра Масловский, Игорь Шляпский и двое наших девчонок решили их наказать. Поймали и отобрали у них заграничные плавки. Мы ничего плохого не хотели им сделать, но они оказались детьми высокопоставленных родителей, которые потребовали нас осудить и отправить в колонию. Но кто-то решил нашу судьбу по-другому. Единственный проступок мой и моих друзей изменил нашу жизнь. На нас наорали, конечно. Сказали, что если не хотим попасть в колонию, то — *шмотки в руки и марш в гетгом к какому-то Калабалину. Он-то вас обломает! Страху было-о-о...*

Вот так Игорь, Юрка и я в 1970 году оказались в Клемёновском детском доме. Нас привезли, и мы ждали, когда же проведут нас в кабинет «страшного» Калабалина. А нас встретили ребята, расхватили и повели показывать, где мы будем спать, есть, делать уроки. И уже с первого дня никто не считал нас чужими. Только вечером нас позвали к Семёну Афанасьевичу (к СЕМЁНУ — так его называли все ребята). Не помню, что мы ожидали от него, только СЕМЁН превзошёл все наши ожидания: он нас усадил играть с собой в шахматы. Это было что-то! Всех нас обыграл и только потом спросил, как мы устроились, понятен ли порядок в детдоме? И познакомил всех с Галиной Константиновной. Она тоже была не похожа на тех воспитателей, которые были в других детдомах. У кого что случится — все бежали к ней. *Так «страшный» Калабалин нас покори.*

Есть такая поговорка: дай человеку власть и ты узнаешь какой он. У СЕМЁНА каждый ребёнок побывал и в роли командира, и в роли подчинённого. Он наблюдал за нами, находил те черты характера, которые надо развивать, ругал за *подлое*. Через 3 месяца я стал командиром группы, а ещё через 3 месяца — председателем Совета командиров. Это была непростая должность — третье лицо после Семёна Афанасьевича и завуча Л.Г. Волковой. СЕМЁН много раз беседовал со мной о цели в жизни, спорте, семье. Семён Афанасьевич хотел, чтобы сёстры и братья воспитывались в одном детдоме. В 1971 году я начал учиться в 10-м классе, но всё ещё надеялся, что мы с братом Борисом и сестрой Наташей хотя бы один год будем вместе. Но этого не произошло. После сдачи выпускных экзаменов нашего СЕМЁНА не стало...

Виктор Слободчиков (воспитанник детского дома 1956 – 1961 годов, доктор психологических наук, профессор):

— Двенадцатилетним я был отдан в Клемёновский детский дом. *Клемёно-*

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

во являлось довольно глухой деревней неподалёку от города Егорьевска. Ни о каком богатстве и насыщенности образовательной среды говорить просто не приходилось. И вот в этих объективных и нищих условиях мой замечательный педагог — С.А. Калабалин сделал одну вроде бы простую вещь. Он соблазнил московских студентов разных вузов, соблазнил собой, своим человеческим (педагогическим) талантом, привёл их в детский дом, показал нас — и они остались на многие годы с нами.

Каждый выходной они приезжали к нам, можете представить какое огромное богатство души, интеллекта, культуры они привозили с собой и в себе. Скажу одно, что до сих пор мои знания московских театров, музеев, литературы, наук идут из тех времён; с тех пор мало, что прибавилось по существу. Семён Афанасьевич Калабалин был негромкий педагог, почти ничего не писал. Но его педагогический труд был воплощён в живых людях — его воспитанниках. Из семи тысяч воспитанников Калабалина, в большинстве самых тяжёлых — беспризорников, детдомовцев — впоследствии ни один (!) не попал в тюрьму. Я бы сказал, что эта педагогика стоит на порядок выше любых письменных педагогических трудов. Пять лет меня воспитывал этот удивительный человек. В те годы у нас в детском доме была только семилетка, после которой воспитанники шли в ремесленные училища. А Семён Афанасьевич добился, чтобы успевающие в учёбе ребята могли окончить среднюю школу. Приходилось ходить в школу в деревню Саввино за 5 километров, но зато я получил среднее образование и смог поступить в институт.

Из записей С.А. Калабалина

В Клемёновском детском доме широко внедрена заимствованная нами у Макаренко система и форма организации детского коллектива. Позаимствована и суть организации труда. Труд обязателен для всех по способности и возрасту, а благо — равно для всех. Наблюдается, что те из воспитанников, кто больше загружен заботами трудовых обязанностей, кто активнее занят общественными поручениями, тот хорошо и учится, лучше других приспособлен к самостоятельной работе над учебником и заданием, у него хорошо развито чувство хозяйственной смекалки и бережливости. В своём подсобном хозяйстве мы выращиваем на пяти гектарах картофель, на одном гектаре овощи, имеем большой сад. Можно прямо сказать, что не найти в нашем районе более чистого и ухоженного поля, как в детском доме. На протяжении многих лет мы выращивали для совхоза на площади 5 га кукурузу. Заботливым уходом мы добивались получения высоких урожаев по 700—1000 центнеров с гектара. Тут было чем любоваться и гордиться...

Из выступления Г.К. Калабалиной¹

Вовлекая детей в общественно-полезный и производственный труд, мы, разумеется, в первую очередь интересовались его педагогическими результатами. Учитывая то, что контингент детей у нас особый (в основном нам присылают детей, исключённых из массовых школ,

¹ Разговор от первого лица. Из опыта работы С.А. Калабалина — воспитанника, соратника и последователя А.С. Макаренко. МОИУУ. Москва, 1990. С. 25—26; 49—50.

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

из других детских домов и школ-интернатов), нам важно было добиться, чтобы в трудовой деятельности воспитанников вырос интерес к учебе, формировался их нравственный облик, приобретались необходимые практические умения и навыки. Воспитывалось чувство ответственности за порученное дело. Были организованы сводные отряды, которые работали на порученных участках, соревновались между собой. При подведении итогов обязательно учитывалось не только количество выполненной работы, но и её качество, и отношение каждого члена отряда к работе.

Михаил Халиков (воспитанник детского дома 1953—1958 годов, хозяйственник):

— С Совета командиров началось детское самоуправление в нашем детдоме. Теперь он стал похожим на потревоженный муравейник или пчелиный улей — началась новая жизнь. На очередной вечерней линейке (рапорте), как это было сразу же заведено, каждый отряд и каждая группа рапортовали о том, как прошёл день в школе и в детском доме. И доходит мой черёд:

— А вот ты, чернявый хлопец, выходи на середину зала и встань перед строем. С сегодняшнего дня будешь завхозом всего детского дома!

Я стал отказываться, ссылаясь на школьные занятия и боязнь не справиться со столь ответственным делом. На мой лепет Семён Афанасьевич сказал, как отрезал:

— И в школе будешь успевать, и в детском доме справишься — приступай!

Так я стал завхозом в детском коллективе. А уже на следующий день Семён Афанасьевич привёз из Егорьевского инкубатора 150 жёлтых пушистых цыплят и 50 маленьких утят, из которых осенью в нашем оборудованном птичнике выросли 137 кур и 47 упитанных уток. Это было первое полноценное подспорье к нашему небогатому рациону. Все ребята по достоинству оценили труд «птичниц» — за курами и утками ухаживали в основном девочки. По договору с председателем местного колхоза нам выделили заброшенный сад в три гектара. Все воспитанники от мала до велика пошла ранней весной на его обработку. В мае сад зацвёл белой кипенью, а осенью был собран хороший урожай яблок. В 1957 году Клемёновский детский дом был уже участником и призёром Всесоюзной сельскохозяйственной выставки по выращиванию кукурузы высотой до четырёх метров...

Николай Трошков (воспитанник детского дома 1960—1965 годов, автокрановщик):

— Вырос я без родителей в детдомовской среде, а все трудовые навыки приобрёл в Клемёновском детском доме. Спасибо за это моим наставникам — Василию Дмитриевичу Коробкову (дядя Вася — «Коробок») и Ивану Васильевичу Малофееву. Василий Дмитриевич обучал меня всем таинствам профессии конюха, и я самостоятельно умел запрягать лошадей в сани, телегу или плуг. Мне доверяли ездить в Василёво за молоком и на Клемёновскую пекарню за хлебом для детдома. Горячий хлеб с молоком

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

был необыкновенно вкусным. Дядя Вася вскоре стал для меня близким человеком. Он обучил меня на лошади пахать, боронить, окучивать. СЕМЁН доверял лошадей только мне, а братья Васькины ухаживали только за коровами. Летом мы с ними возили сено и спали на сеновале. Вставали по будильнику в 5.30, доили коров и выгоняли их в деревенское стадо, затем убрали из стойла навоз. Днём ходили на пастбище за деревню повторно доить коров. Самая удойная корова была костромской породы (чёрно-белой масти), и звали её — «Пестрянка». Вторая была красно-коричневой расцветки, а потом появились тёлочка и два бычка. Комбикорма для коров запаривали в отдельном от «свинокухни» Юры Корневальда помещении. К нашей бригаде в надежде на получение порции парного молока постоянно старался примкнуть кто-либо из воспитанников. Однако испытав на себе все «прелести» труда скотника (чистка стойла и вынос навоза), охотники сразу убывали. Нас СЕМЁН за работу на животноводческой ферме неоднократно хвалил перед строем детдомовцев и поощрял поездками в Москву на новогодние праздничные представления.

Иван Васильевич обучал меня премудростям автослесаря. Один раз мы с ним разобрали наш автомобиль ГАЗ-51, можно сказать, «до рамы», а затем после ремонта двигателя и замены агрегатов вновь собрали, и он сразу же завёлся. Езду на ГАЗ-51 освоил быстро и часто один ездил в Овчугинский карьер за песком. Однажды я не доглядел, как Петька Гордеев завёл автомашину и угнал её на окраину деревни. Мог бы возникнуть скандал, но я быстро возвратил автомашину в наш гараж. Хотя не обошлось и без курьёзов — однажды при выезде я «снёс» одну створку гаражных ворот, за что получил нагоняй (ворота, конечно же, быстро отремонтировали).

Из детского дома вышел восемнадцатилетним, и в моём багаже были вполне рабочие специальности — животновод, конюх, шофёр и автослесарь. С таким багажом в любой жизненной ситуации не пропал бы...

В сентябре 1965 года Семён Афанасьевич отвёз меня с братьями Витей и Колей Васькиными в город Жуковский, где оформил в ГПТУ-13 учиться на монтажников стальных и железобетонных конструкций. Перед тем, как уехать, СЕМЁН выступил перед коллективом преподавателей и учащихся — страстно и увлекательно рассказал о Макаренко и нашей детдомовской жизни. Его выступление произвело огромное впечатление на аудиторию, поэтому нас — «детдомовских» — в дальнейшем всячески опекали однокурсники и не трогали даже «авторитетные старички». Училище окончил 6 августа 1966 года и сразу стал работать.